

Ни одна поэтическая антология о Великой Отечественной войне, пожалуй, не обходится без этого стихотворения:

Провожали меня на войну,
 До дороги меня провожали,
 На село я прощально взглянул,
 И вдруг губы мои задрожали.
 Ничего б не случилось со мной,
 Если б я невзначай разрыдался, —
 Я прощался с родной стороной,
 Сам с собою, быть может, прощался.
 А какая стояла пора!
 Лето в полном цвету медовело.
 Собирались косить клевера,
 Рожь от жаркого солнышка млела.
 Поспевала высокая рожь,
 Наливалась густая пшеница,
 И овес, что так быстро подрос,
 Прямо в ноги спешил поклониться.
 Заиграла, запела гармонь,
 Все сказала своими ладами,
 И платок с голубою каймой
 Мне уже на прощанье подарен.
 В отдалении гром грохотнул,
 Был закат весь в зловещем пожаре...
 Провожали меня на войну,
 До дороги большой провожали.

Автор этих строк — поэт Федор Сухов, датированы они 1954 годом, то есть прошло уже почти десять лет, как закончилась война. Но, видимо, прощальный день проводов на фронт накрепко засел в памяти поэта, волновал, тревожил, жег и,

наконец, вылился в пронзительно-проникновенное стихотворение, ставшее классикой военной поэзии. Хотя в этом небольшом произведении, по сути, нет ни боев, ни героизма, ни подвига, лишь предощущение чего-то — еще не понятного, неизведанного и в то же время великого.

Смею предположить, что повесть «Усвятские шлемоносцы» (1977) курянин Евгений Носов написал под впечатлением этого стихотворения. Федор Григорьевич и Евгений Иванович много раз встречались, были хорошо знакомы, даже больше — дружили. Оба фронтовики, артиллеристы, воевали в местах, которые потом назвали Огненной дугой. В повести Носова также не происходят батальные события, рассказывается о том, как уходили защищать Родину курские селяне. И интонация повествования тревожно-печальная, и в то же время — одухотворенно-жизнеутверждающая.

Об «Усвятских шлемоносцах» критик Валентин Курбатов сказал так: «Мы еще не осознали в подлинном величии эту книгу, где не раздастся ни единого выстрела, но где война впервые явлена в зияющей смертной силе, вставшей против векового порядка жизни». Эти слова в полной мере можно отнести и к стихотворению «Провожали меня на войну...»

2

Желание написать этот очерк возникло, когда я нашел старый блокнот, датированный 1990 годом. Такая запись: «Встреча с поэтом Федором Суховым в городской библиотеке им. Н. Островского». Даты нет, но, вероятно, все происходило в конце июля — начале августа.

Предыстория встречи такова. Поэт Владимир Молчанов, с которым мы тогда хорошо дружили, побывал в Доме творчества писателей в Переделкино и рассказал, что познакомился с Суховым. Это был год 45-летия Победы, проходили различные юбилейные мероприятия, и Володя предложил белгородским библиотекарям пригласить Федора Григорьевича в наш город, тем более, что тот воевал неподалеку от наших мест.

Однажды Молчанов позвонил: «Приходи, дядя Федя приехал».

Сухов оказался на самом деле сухим, то есть совсем не богатырского телосложения. Среднего роста, волосы черные, заметно припорошенные сединой. Пытливый взгляд из-под густых бровей. Рассказал, что побывал в Курской области, там, где воевал. Показал на сучковатую отполированную до блеска палку, вырезанную самолично: «С нею я все памятные места прошел. У Жени Носова погостил».

С собой у поэта был небольшой томик Ивана Бунина, изданный «Молодой гвардией». Я спросил: «Почему Бунин?» Вопрос этот возник невольно, вероятно, потому, что в то время кумирами читающей публики были поэты-шестидесятники. Сухов ответил примерно так: «Что-нибудь этакое, так сказать, новаторское, авангардистское накрутить несложно, а вот на основе традиционной поэзии написать свое, о своем и по-своему задачка посложнее».

А потом была встреча в библиотеке. В моем блокноте сохранились записи того, что говорил Федор Григорьевич. Они несколько сумбурные, но, думаю, будут интересны всем, кто не глух к поэзии и кому интересны поэты как личности.

— Первый бой принял в районе станции Суджа, куда мы выдвинулись из-под Воронежа. Это был июнь — июль 1943 года. В звании лейтенанта командовал взводом пушек-сорокапятков. Об этом рассказал в романе «Ивница», он выйдет в издательстве «Молодая гвардия». Дошел до Пруссии. Дважды был ранен. Имею награды, в том числе медаль «За отвагу».

— На фронт взял тетрадку, куда были переписаны стихи Есенина, Бунина, Ахматовой и других поэтов. На вокзал явился с чемоданом, на что лейтенант сказал: «На войну с чемоданами не ходят, ими мы немцев не победим». Я чемодан бросил, а тетрадку и некоторые книги переложил в вещмешок и носил всю войну. Пожалуй, на поле боя никто не мог надеяться, что выживет. Около Обояни немцы, наступая, вели огонь термитными снарядами. Солдаты горели, многие вставали из окопов и бежали, но это было еще хуже, ибо они становились мишенями.

— Однако, мне казалось, что меня не убьют. Втайне, конечно. Потому что пишу стихи. 14 апреля 1944 года была первая публикация моих стихов в газете «Красная Армия». Вырезку из газеты я положил в карман гимнастерки и уже всерьез думал: уж точно не убьют. А замполиту не признался, что это мои стихи.

— В начале войны до слез было обидно, что так далеко немец залез к нам. Бывало, в окопах фрицы крутили на патефоне пластинки с нашими песнями, с той же «Катюшей», и мне казалось, что враги взяли в плен нашу русскую песню. Хотелось им за это отомстить.

— На фронте я читал солдатам стихи Есенина «Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь и благодать...», и они воодушевляли больше, чем призывные стихи того же Симонова. Так почему же их считали упадническими? На войне надо было быть всегда готовым к смерти, и стихи Есенина помогали быть к ней готовым, не отчаиваться, если подобное случится.

— В 1949 году я поступил в Литературный институт и сразу пошел на могилу Есенина. Она была усыпана цветами и письмами. О том, что, вернувшись с фронта, побывали на могиле поэта, мне рассказывали многие фронтовики. А в декабре того же года я встречался с матерью Есенина. Это произошло на литературном вечере. Я, студент Литинститута, сидел рядом с Татьяной Федоровной. Сборник великого русского поэта я и сейчас всегда вожу с собой.

— Когда учился в Литинституте, видел и слушал Пришвина, знал Смелякова, бывал у него в гостях. Во дворе института часто встречал Платонова. Тогда его почти никто не знал и не ценил, но некоторые преподаватели говорили нам, что это великий писатель.

— До сих пор для меня звание «поэт» как что-то высшее — это Пушкин, Тютчев, Есенин... Я писательский билет старался лишний раз не показывать, даже в милиции (приходилось, увы, там бывать) не признавался, что поэт — стыдно было.

— У нас почти не было честной литературы о том, как жил и живет наш народ, и только деревенская проза сказала правду, то есть то, что выше литературы.

— Последние тридцать лет я говорю только правду, всегда и всем, о том, что думаю и что знаю. И мне стало легче жить. Морально.

— Улучшение старого уже есть новаторство. Русский язык в поэзии еще далеко себя не исчерпал, даже при помощи одного ударения можно делать новое. Так, все новаторства Хлебникова созданы на основе русского языка, на его глубине, а не от хотения автора что-то эдакое придумать. Как человеку нельзя приспособливаться к жизни, так и нельзя приспособливаться к языку — иначе не сохранишь свое «я», то есть поэту надо творить свой язык.

— Стихи мне всегда помогали в жизни — на войне, в сложных, а порой, как казалось, и в безвыходных ситуациях. А обретение поэтического мастерства — долгий и, может быть, бесконечный процесс. Но молодым поэтам надо обязательно печататься. Для меня первая публикация и сейчас самая памятная.

— Единственная идеология, которую признаю, — это духовно-религиозное мировоззрение, направленное на формирование человека как личности.

Читал поэт и свои стихи. Спокойно, слегка нараспев, предельно сосредоточенно, не размахивал по-эстрадному руками. Было понятно, насколько продуманы и прочувствованы его слова. Читал, вероятно, самые ему дорогие, в том числе и «Провожали меня на войну...».

Есть в моем блокноте и автограф Сухова. Я попросил Федора Григорьевича что-нибудь написать на память. Он улыбнулся, взял у меня ручку и в мгновение нарисовал автопортрет-шарж, подписав его.

3

Критик Александр Михайлов в предисловии к сборнику Федора Сухова «Подзимь» (1985) о стихотворении «Провожали меня на войну...» в частности отметил: «Сухов не коснулся батальной стороны войны, не тронул того бесценного опыта, к которому он, офицер-орденоносец, командир взвода ПТО, конечно же, располагает в достатке. Поэт посмотрел на войну издалека, от околицы родного села, от большой дороги, до которой его проводили дорогие односельчане. Но это пронзительное ощущение войны уже нельзя забыть». И в той же статье: «Поэт он не элегический, не минорный, но грусть народной беды, пережитой им вместе со всеми, невосполнимые потери время от времени отзываются стоном в сердце. Стон этот только глухой не услышит».

Федор Сухов начал писать стихи на фронте. Одно из первых опубликованных стихотворений «Черный снег» датировано ноябрем 1944 года.

Мы спали так — спина к спине,
Теплом друг друга грея,
Своим теплом ведь на войне
Товарищ всех теплее.
Оттаивали зеленыя,
Стихал любой мороз,
Но что-то на исходе дня
Ударилось, разорвалось.
И нет товарища, и нет
Тепла среди метели,
Остался только черный снег
На ледяной постели.

К теме войны поэт все время возвращался, хотя, как понимаю, старался ее забыть. Но... Вот строки из стихотворения «Давным-давно я не слышал кукушки», написанного в 1956 году:

Я всякий раз, когда ударит залпом,
Когда гроза приблизится ко мне,
С мешком походным уйду на запад,
К своей не замирившейся войне.

А эти строки датированы 1975 годом:

Три кромешных, сумасшедших года
Убивали голову мою.
Залегла поблизости пехота,
Я у пушечки своей стою.
У своей стою сорокапятки
В кирзовых тяжелых сапогах,
С огневой не уйду площадки,
В отдаленный не бегу овраг.

А они все ближе, ближе, ближе,
А они вошли на высоту...
Устоять бы только, только б выжить,
Удержаться в яблонном саду.

Стихотворение «Просыпаюсь вместе с петухами» заканчивается трагически:

И тогда-то грохнет надо мною,
Вздрогнет потемневшая земля, —
Новую неслыханной войною
Ополчится небо на меня.
Только я без стоа и без крика
Сгину в полыхающем огне, —
Я давно убит на той великой,
На своей единственной войне.

Федор Григорьевич Сухов умер в 1992 году в возрасте 69 лет. Похоронен в родном селе Красный Оселок Нижегородской области, откуда уходил на войну и где, вернувшись из Волгограда, прожил последние годы.

Смею высказать еще одно предположение. Главный герой культового советского кинофильма «Белое солнце пустыни» — красноармеец Федор Сухов. Думаю, это не просто совпадение. Один из авторов сценария Валентин Ежов родился в Самаре, оттуда же родом и герой кинофильма. А в 1970 году, когда лента вышла на экраны, в Поволжье, пожалуй, не было более известного поэта, чем фронтовик Федор Сухов. К тому же, Ежов тоже участник Великой Отечественной войны и, вероятно, был знаком с поэтом. Вот и решил увековечить его имя посредством кинематографа.

4

Недавно перечитывал томик избранных стихотворений поэта-фронтовика Виктора Кочеткова, который он подарил мне в Москве с автографом. Виктор Иванович тоже воевал на Курской дуге. На одной из страниц — стихотворение «Сила жизни» с посвящением Федору Сухову:

Печален сад, застигнутый морозом:
едва успел он почки развернуть...
Ни майским ливнем, ни июньским грозам
его к плодоношенью не вернуть.

Пока в нем сила роста не очнется,
покуда цвет не выбрызнет живой,
под ветром он все горбится и гнется,
гремя своей железною листвою.

Не оброню я слова в укоризне:
мол, как же так — не сберегли весной...
Не просто, нет, очнулась сила жизни
и в нас с тобой, прихваченных войной.

Да, у поэтов фронтового поколения была великая сила — сила жизни, и они своим творчеством передавали ее читателям-современникам. И нам сейчас передают.

